

Юрий
ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

Затянувшаяся на семь лет учеба в Литературном институте, при всех её взлетах и падениях, была полезной для Н.Рубцова. Всё это время он «крутился» в столичной писательской среде и получал богатый опыт общения с теми, кто определял «допуск» авторов на страницы журналов и в издательские планы. Он стал своим в кругу верных «русской идее» московских поэтов. Освоение вузовской программы по литературе и искусству, участие в различных творческих семинарах и дискуссиях, посещение театров и музеев, приобщение ко всему культурному богатству, накопленному столицей за века существования страны, – всё это расширило кругозор поэта. Готовясь к экзамену по истории русской литературы, Н.Рубцов приходил к Феликсу Кузнецову (будущему директору Института мировой литературы РАН), и эти импровизированные занятия превращались в разговоры о литературе, «о которой Николай мыслил точно и свежо»¹⁴.

Уже в первые два года учёбы в Литературном институте Н.Рубцов написал десятки новых стихотворений, в публикации которых ему непрерывно отказывали. Как это нередко бывает в жизни, помог случай. Заместителем главного редактора журнала «Октябрь» стал критик Дмитрий

Стариков (1931–1979), хороший знакомый Вадима Кожинова. По рекомендации друга Д.Стариков прочитал стихи ранее неизвестного ему Н.Рубцова и опубликовал подборку из пяти стихотворений в очередном номере журнала («Октябрь», 1964, №8, с.130–132). В подборку были включены стихотворения Н.Рубцова «Звезда полей», «Взбегу на холм и упаду в траву», «Ночь на перевозе» («Осень кончилась – сильный ветер...»), «Хозяйка» («Как много желтых снимков на Руси...») и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны». Это стало настоящим и столь долгожданным прорывом поэзии Н.Рубцова в большой мир советской литературы.

Начиная с 1961 года, редактировал журнал «Октябрь» В. Кочетов. Его врагами были либералы из журнала «Новый мир», а также неопочвенники и националисты, к которым он относил И.Глазунова и В.Солоухина. Чужды ему были идеалы прославившихся на вечерах в Политехническом музее поэтов Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Р.Рождественского, Б.Окуджавы с их лозунгом «мира без границ» и культовым обожествлением «революционеров» в политике и

(Окончание. Начало см. в № 5-6 за 2016 г.)

искусстве В.Маяковского, В.Мейерхольда, Б.Брехта, Че Гевары.

Стихи Н.Рубцова прошли сито редакторского отбора потому, что они напрямую не относились ни к одному из названных выше литературных течений. В них не было присущей стихам А.Вознесенского и Е.Евтушенко апологетики Ленина как противника Сталина, отсутствовала характерная для стихов Б.Окуджавы романтизация Гражданской войны. К тому же «стихи Рубцова для «Октября» отбирал и «пробивал» там Владимир Максимов, который как раз в ту пору стал на короткий срок членом редколлегии этого журнала». ¹⁵ Это успокоило редактора «Октября», находившегося в постоянной полемике с «Новым миром» в отстаивании социалистического строя от либеральных «поползновений». «В «Октябре» ко мне отнеслись хорошо, – писал Н.Рубцов А.Яшину 22 августа 1964 года. – Стихи пошли через Кочетова. А.Д.Стариков (замредактора) старался тоже напечатать что-нибудь получше. В этой подборке есть тоже плохие места, но тут уж виноват я сам полностью и недоволен за это только собой».

Отдадим должное самокритичности Н.Рубцова, который слишком долго ждал всесоюзного признания и привык во всём винить самого себя. На самом деле проявившаяся в подборке стихотворений Н.Рубцова глубина философского мышления молодого поэта продолжает и сегодня удивлять поклонников его творчества. Он, как немногие другие поэты, осознал после Карибского кризиса 1962 года, насколько способен человеческий род к самоуничтожению в ядерной войне и экологической катастрофе. Опыт переживаний в связи с возможностью совершенно случайного коллективного самоубийства человечества невыносимой тяжестью лег на его поколение и на его стихи. Отсюда близкое к Н.А.Бердяеву отношение Н.Рубцова к прозе рационализма как лишь к болезни бытия. «Мы живем в греховном сне расщепленности, сне нашей злой воли, и сны наши постыдно прозаичны и скучны, – писал знаменитый русский философ в работе «Философия свободы». – Мистическая жизнь и есть как бы просыпанье к действительности, к реальности, к сущности... Я бы охотно назвал свою философию магическим реализмом или, точнее, мистическим реализмом; реализмом потому, что она требует от человека, чтобы он проснулся, а не заснул... Только безумные становятся мудрыми, постигают тайны... С трудом можно напомнить современным людям, что догматы – видения, встречи раскрываются лишь в мистическом озарении, что через них дан выход в мир иной».

В мистическом озарении герой написанного от первого лица стихотворения Н.Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» заглядывает в будущее России и не находит в нём торопливого шума весенних вод, гомона деревенских разговоров, «пенья и смеха на лужке»:

*Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.*

В следующем четверостишии образ «померкшей звездной люстры» усиливается видом «померкших полей» и «разрушенных белых церквей».

Свобода в понимании лирического героя ассоциируется с волей, а воля и судьба Отечества находятся в роковой зависимости от созданной руками человека случайности. В стихотворении возникает образ таинственной силы (божественной или космической, поскольку она находится «над нами»), на которую остается уповать в сложившейся ситуации. Но это неустойчивое чувство надежды растворяется в последующих видениях автора, который олицетворяет себя с «таинственным всадником», вззирающим с небес на всё происходящее, и видит на опустошенных вселенским злом русских землях всеобщее безмолвие:

*Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.*

Здесь будет уместно сказать, что тема смерти (своей, но в большей степени – печальной судьбы России-матери) с годами всё больше занимала мысли и чувства Н.Рубцова. Вологжанин А.Рачков вспоминал, как встреча с Н.Рубцовым, после чтения стихов Тютчева, Фета, Пушкина, перешла в разговор о глубоком смысле строки из стихотворения А.Блока «Усталость», в которой говорится о «торжестве предсмертных мук».

«Николай ответил серьезно и очень спокойно:

– Теперь я испытываю, ощущаю это чувство в себе часто... Даже больше, чем хотелось бы этого. Блок! Это Блок! ...У него всё ясно и просто:

*Россия-мать, как птица тужит
О детях, но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба».*

Так вот откуда у Рубцова (невольно подумалось мне): «Россия, Русь! Храни себя, храни».

Вот и в стихотворении «Я буду скакать по холмам

задремавшей отчизны...» Н.Рубцов через свои видения предупреждает о нависшей над отечеством тени полного уничтожения, о близости версии Страшного Суда. Он не представляет любимой им северной природы, лишенной человеческих существ, и не знает, кого винить в том, что жизнь людей превратилась в игрушку случая. Он чувствует свою беззащитность перед лицом роковых, созданных самими людьми, обстоятельств. Ему остается только напомнить людям, что их долгом и высшей ценностью является спасение планеты ради выживания человечества; что нельзя терять деятельной надежды на лучшее будущее:

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останьтесь, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!*

Человек в концепции Н.Рубцова неразрывно связан со всей окружающей действительностью и должен не властвовать над природой, а осознавать всю полноту ответственности за её судьбу. Это целостное видение человека и космоса (развитое в философии В.И.Вернадского) позволяет Н.Рубцову постигнуть сущность явлений какою-то способностью, отличную от чистого разума. Стихотворение «Ночь на перевозе», на первый взгляд, обращено к обыденному сознанию. Но объединенные в один поток приметы поздней осени («Безлюдье и мрак хвойных побережий, полей, болот»; «Болотная пленка воды замерзает при звездном свете») создают мистическую картину конца вселенной, где в результате неизбежного самоистребления не осталось людей, лишь их призраки витают во мгле:

*И один во всем околотке
выйдет бакенщик-великан
И во мгле
промелькнет
на лодке
Как последний из могикан.*

Стихотворение «Взбегу на холм и упаду в траву», написанное в 1962 году, тоже представляет собой «поток сознания», где вечное, вневременное соединяется с человеческой субъективностью и новым подходом к историческому знанию, которое у Н.Рубцова расширяется до интуиции, постигающей саму сущность жизни:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли*

*Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.*

Эти видения Н.Рубцова звучат с особенной силой спустя полвека после публикации стихотворения, когда в результате террористической атаки ИГИЛ («Исламского государства», запрещенного в России) в 2015 году был взорван над Синаем летевший из Египта российский пассажирский самолет и погибли более 250 граждан России. Под черными флагами террористы приблизились к границам России, и страна была вынуждена вмешаться в трагический ход событий в дружественной нам Сирии.

Вслед за Ф.Тютчевым Н.Рубцов обладал редкой способностью «за внешним покровом космоса видеть шевелящийся хаос»¹⁶, предчувствовать грядущие катастрофы для России, наступление «роковых минут» истории. «Наш национальный мистицизм XIX века, мистицизм Чаадаева, некоторых славянофилов, Достоевского, Вл. Соловьева и других, – писал русский философ Н.А. Бердяев, – тем и ценен, что в нем так остро ставится проблема религиозного смысла истории, проблема Востока и Запада, проблема национального мессианизма, т.е. в пределе своем проблема апокалиптическая. Этой великой традиции и мы должны держаться, как бы далеко ни ушли от своих предшественников».

При всей субъективности «мистического реализма» стихов Н.Рубцова, связанных с восприятием судьбы России, он не ограничивается предчувствием конца истории и неизбежностью Апокалипсиса. Он чувствует личную ответственность за исторические судьбы русского народа и в стихотворении «Звезда полей» выражает почти славянофильскую веру в будущее отчизны. Ведь в минуты потрясений Н.Рубцов всегда вспоминает вечный свет звезды, которая «горит, не угасая, для всех тревожных жителей земли»:

*Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...*

Той же оптимистической нотой заканчивается стихотворение «Хозяйка» (позднее печаталось под названием «Русский огонёк»). Поначалу заблудившемуся в зимней тайге герою с его сильным чувством демонических и магических сил ок-

ружающий мир видится непонятным, иррациональным. Он словно выпадает из миропорядка, который представляется вечным:

*Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мертвом поле!*

Уже прощаясь с жизнью, замерзая, он не сразу признает в мелькнувшем в снежной пустыне «тихом свете» приметы человеческого жилья, полагая, что всё это – грезы и видения в его последние минуты жизни:

*Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда...*

И далее, по ходу знакомства с хозяйкой избы, развивается и мощно звучит присущая произведениям многих русских гениев тема христианского гуманизма: жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность, готовность перед Богом защищать человека. Как писал по этому поводу Н.А.Бердяев, «человечность остается одной из характерных русских черт, она относится к русской идее на вершинах её проявления».

В описании старой хранительницы семейного очага Н.Рубцову удается сохранить подлинность и чистоту вспыхнувшего в его сиротской душе сыновнего чувства. Перед читателем раскрывается жизнь русской женщины, пережившей войну, гибель родных и близких, безмерно уставшей от выпавших на её долю испытаний («в тусклом взгляде / жизни было мало»), но продолжавшей верно хранить уже ставшие желтыми от времени фотографии ушедших из жизни, ибо «близких всех душа не позабудет». В глазах поэта она олицетворяет судьбу крестьянской России, а огонёк в её избе – символ русской идеи братства людей и русского искания всеобщего спасения, знак русской человечности:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя.*

На «русский огонёк» добра и великодушия, к своей дочери, поспешил Н.Рубцов после проис-

шедшего в июне инцидента в ресторане ЦДЛ и прожил в селе Никольское, с небольшими перерывами, почти полгода. «Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса, – писал он А.Яшину 22 августа 1964 года. – У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу (так здесь коротко называют село), под березами – разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето». Он играл с маленькой дочкой, помогал её матери по хозяйству, а в свободное время любил купаться в реке, собирать землянику, смородину, бруснику и клюкву. «Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! – с детской непосредственностью признавался он в том же письме А.Яшину. – Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес! Я беспрерывно вижу их во сне и просто так, перед глазами: мерещатся». Отрезанный от обменов городской цивилизации, Н.Рубцов много и плодотворно работал. Он сообщил А.Яшину, что за полтора месяца написал около сорока стихотворений, что в поэзии больше всего ценит «лиризм, естественность, звучность».

Кроме рассказа о красотах «лесной жизни» есть в письме А.Яшину упоминание о подборке в журнале «Юность» (1964, №6, с.6), куда вошли стихотворения «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Я забыл, как лошадь запрягают...», «Загородил мою дорогу...», «Улетели листья». Хотя для любого другого поэта публикация в «Юности», да еще с портретом автора, была бы праздником, Н.Рубцов был недоволен как подбором стихотворений, так и редакторской правкой и писал А.Яшину: «Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать её, если б в это лето мне не очень потребовались деньги. Да еще так отредактировали кое-какие места. Вместо «суда гудели, надрывались» напечатали «суда гудели, надрываясь». В результате и рифма стала безвкусной, и слово «надрывались» потеряло ударное значение. «И дул в лицо им мокрый норд» – не моя строчка. Как легко было строчку эту сделать лучше, вдобавок избежать «им мокрый!» А из стихотворения «Загородил мою дорогу грузовика широкий зад» после поправок получилось нечто вроде блокнотной записи».

Всё это говорит о высокой требовательности Н.Рубцова к своим стихам. Его возмущало, что из предложенной журналу «Юность» рукописи отобраны стихи, которые уже давно были напи-

саны и ныне не отвечали его представлениям о настоящей поэзии.

К этому времени у Н.Рубцова были уже написаны десятки стихотворений, которые «по уровню своей поэтической зрелости могли стать классикой русской поэзии»¹⁷. В феврале-марте 1964 года Н.Рубцов сам на машинке отпечатал рукопись и послал её в Архангельск, в Северо-Западное книжное издательство. В будущей книге он рассчитывал опубликовать лучшие свои стихотворения. В октябре 1964 года Н.Рубцов на короткое время вырвался из деревни, побывал в Вологде, где читал стихи на собрании вологодских писателей, и поехал в Архангельск узнать о судьбе рукописи. «В кабинет вошел молодой человек с худощавым болезненно-серым лицом, молча опустился на диван, в смущении потирая руки и время от времени глуховато покашливая, – вспоминал директор издательства Б. Пономарев. – Мы, издательские работники, расспросили Николая о его жизни и поняли, что он оказался в стесненном положении. С автором был заключен договор и выдан ему аванс. Довольный поэт уехал в село Никольское».

«Довольным» отношением к нему Северо-Западного книжного издательства Н.Рубцов оставался до того момента, как получил экземпляр книги «Лирика» (Архангельск, 1965. 40 с.) и остаток в виде 40 процентов причитавшегося ему гонорара в размере 29 рублей. Из предложенных издательству стихотворений была отобрана четвертая часть, причем все исключенные издательством из рукописи «Лирика» произведения позднее были одобрены издательством «Советский писатель» и включены в книгу «Звезда полей» (1967). В письме А.Яшину от 19 ноября 1965 года Н.Рубцов жаловался, что «неожиданно для меня решили оплатить не все строчки, а только, видимо, рифмованные... Ведь дело-то все-таки не в рифмах, а в строках! Рифма – лишь художественное средство, которое я могу использовать, могу и не использовать... Я бы плюнул на все это дело, но суть в том, что, уезжая в эту деревенскую глушь, я рассчитывал на эти средства и строил в связи с ними кое-какие планы. Теперь они рухнули. Я ведь не миллионер».

Сам Н.Рубцов был готов довольствоваться малым, но на его попечении во время жизни в Никольском была дочь, а работа в колхозе её матери Гертруды (которую поэт звал Гетой) и бабушки приносила мало доходов. Приходилось зарабатывать продажей брусники и клюквы, ходить в лес рубить дрова, посылать в районную газету стихи и прозаические зарисовки. Всего в тотемс-

кой газете «Ленинское знамя» Рубцов опубликовал в 1964–1965 годах около двадцати стихотворений, в том числе «Сапоги мои скрип да скрип...», «Родная деревня», «На реке», «Гроза», «Горница», «Прощальный костер» и другие. Старались помочь Н.Рубцову друзья и почитатели его таланта. Земляк поэта Ф.Кузнецов (его отец в прошлом был директором Тотемской средней школы) отнес стихи в журнал «Сельская молодёжь», в газету «Известия» и в «Литературную Россию», посвятил творчеству Н.Рубцова львиную долю редактировавшегося им во время работы на Всесоюзном радио альманаха «Поэзия». С.Куняев «пробивал» стихи Н.Рубцова на страницы журнала «Знамя». А.Передреев рекомендовал поэзию друга редакции журнала «Молодая гвардия». В результате такого мощного «залпа» публикаций Н.Рубцов, по словам Ф.Кузнецова, «очень быстро, буквально за считаное число месяцев стал знаменитым» и заключил договор с издательством «Советский писатель» на книгу «Звезда полей», поддержанную Егором Исаевым:

«Помню, как, получив по этому договору аванс, свой первый, как ему казалось, очень большой гонорар, Коля приехал ко мне домой и, показав пачку денег, сказал:

- Все, начинаю новую жизнь.
- И как же ты её мыслишь?
- Куплю корову. Гета и теща будут довольны. Буду жить в деревне, писать стихи. Приезжать в Москву только на экзамены».

Корову Н.Рубцов так и не купил, но в опубликованном журналом «Октябрь» (1965, №10, С.76-78) большом цикле стихотворений о природе и людях северной русской деревни. Здесь появилось знаменитое стихотворение «Тихая моя родина», обозначившее целый пласт русской поэзии под термином «тихая лирика». Посвященное Василию Белову, это стихотворение открыто заявляло о близости творческой позиции Н.Рубцова убеждениям Ф.Абрамова, В.Белова, А. Яшина. В их прозе и поэзии о судьбах северной деревни на первый план в 1960-е годы вышли сочувствие к столь много испытывавшему русскому народу, правдоискательство, глубокое проникновение в тайники крестьянской души, печаль по утрачиваемым национальным ценностям и идеалам. Их произведения были наполнены глубоким нравственным смыслом таких понятий, как совесть и милосердие.

Лирическому герою стихотворения «Тихая моя родина» присуще смиренномудрие – одна из самых главных добродетелей в христианской жиз-

ни, которая проявляется в том, что человек в любых обстоятельствах пребывает в мире с собой и Богом. И хотя сам автор не был крещен и его отношения с православной Церковью остались не выясненными до конца его жизни, герой его стихотворения по своему восприятию жизни, образу мыслей, по глубине сердечного чувства близок верующему человеку. И если Христос обращался к своим ученикам: «Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф, 11, 28-29), то этот же образ мысли, соответствующий смиренномудрию, пронизывает стихотворение «Тихая моя родина»:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Здесь моя мать похоронена
В детские годы мои.
– Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. –
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.*

Ищущий могилу своей матери лирический герой поистине «кроток и смирен сердцем». В стихотворении возникает религиозный мотив радости и умиления перед раскрывающейся взору духовной красотой мира. Это преклонение перед «тихой родиной» не похоже на прекраснородное забвение «родимых пятен» на лице родной земли. Поэт замечает и порушенную церковную обитель, и заросшую тиной в результате бездумно прорытого канала любимую речку. Но эти брошенные вскользь примеры косности и равнодушия к природе не влияют на утверждение ценности и осмысленности русского бытия:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Всего в журнале «Октябрь» были опубликованы восемь стихотворений Н.Рубцова, в их числе: «Память матери» («Вот он и кончился, покой!...»); «На вокзале» («Закатилось солнце за вагоны...»); «Сапоги мои – скрип да скрип...»; «Мне лошадь встретилась в кустах...»; «Добрый Филя»; «Утро» («Когда заря, светясь по сосняку...»); «Тихая моя родина!...»; «О чём шумят друзья мои, поэты...». Все

они объединены «взглядом из деревни» поэта, который по-иному вспоминает шумливые сходки городских собратьев по перу («Они кричат, / они руками машут...»). Отсюда, из вологодских лесов, странными кажутся их споры о том, кто «крепче и полезней»: Маяковский с его «Левым маршем» или «негромкие есенинские песни». Здесь, среди простого народа, слушая «весёлое пенье» жаворонка в «небе поднебесном», Н.Рубцов понимает, что жизнь намного богаче литературных дискуссий, что важнее споров непосредственное переживание непреходящей красоты мира, таинственно заключенной в некоем гармоническом ладе вещей, в универсальной связи мира, о чем с поэтической точностью писал Тютчев:

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!*

Судя по написанным в деревне стихам, Н.Рубцову близка мифологема «Великая Мать – земля», присущая древним языческим культам Греции и Востока и христианскому почвенничеству Ф.Достоевского. В стихотворении «Памяти матери» лирический герой чувствует себя в засыпанной снегом глухой деревне забытым и потерянным среди хаоса вьюги, воя волков за рекой «во мраке луга». Ему кажется, что он погружается в небытие и что «его сведут с ума ночные ветры!». Спасение приходит, когда в его памяти всплывает лик умершей матери, представляющейся ему в минуты творящегося за порогом избы хаоса олицетворением блага, истины, красоты. Он готов к её могиле «по доброй воле / пробить дорогу сквозь пургу / в зверином поле!». Он верит, что материнская любовь мистическим образом (не исключая появления её призрака в избе, как это было в стихотворении Н.Клюева «Четыре вдовички к усопшей пришли...») поможет преодолеть одиночество, спасет от натиска сил зла:

*Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?*

Восприятие образа Матери-земли у Н.Рубцова роднилось с благоговейным отношением верующих людей к пресвятой Богородице. Ценность и смысл мира поэт видел в воспевании смысловой наполненности и гармонической сообразности мироздания. В стихотворении «Утро» каждая деталь деревенской жизни вкупе с картиной пробуждения природы превращают земное существование русского человека в наполненный смыслом символ причастности к горизонту божественного бытия:

*Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворики глухом
Встречают солнце взрослые и дети, –
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...*

Н.Рубцов обладал даром непосредственного переживания непреходящей красоты, таинственно заключенной в окружающем его мире. На почве этого чувства выросло почти религиозное желание воздать должное этой красоте, восславить окружающую человека живую реальность. Предчувствие мистического Апокалипсиса, постоянно жившее в его душе, лишь обостряло стремление еще и еще раз воспеть «Великую Матерь – землю», осмысленность и ценность существования природы и человека.

Уставший во время городской жизни от постоянных конфликтов с внешним миром, от собственной неустроенности и необходимости постоянно бороться с трудностями, Н.Рубцов находит себе утешение в грезах и фантазиях о возможности наладить жизнь в соединении с огромным и добрым царством природы, – подобно герою стихотворения «Добрый Филя». Этот крестьянин из лесного хуторка, «задремавшего счастливо меж звериных дорог», живет «в избе деревняной / без претензий и льгот». Отсутствие газа и ванны не мешает постоянному ощущению в его душе радости и мира, поскольку, как и его предки, добрый Филя полагает, что всеми его действиями и поступками руководит как бы сама природа, а она никогда не ошибается. Такое миропонимание было у героев античной поэзии, основанной на отражении бытия как природы, такое же – у героя стихотворения Н.Рубцова:

*Филя любит скотину,
Ест любую еду.
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чём говорить?*

Если заменить в этом стихотворении Филю на Колю, то получится, что стихотворение носит автобиографический характер и, написанное в 1960 году, отражает тот период его жизни, когда он еще не противопоставлял себя миру, не ощущал реальный разрыв с ним. Но написанные не без иронии две строки из финального четверостишия («Мир такое справедливый, / даже нечего крыть») говорят, что уже тогда Н.Рубцов стал удаляться от единства и согласия с бытием, что для себя он уже сделал выбор между пассивной, долгой жизнью и жизнью активной, наполненной «мучением страстей».

Есть письменные свидетельства, что Н.Рубцов сознавал тривиальность современной ему деревенской действительности. В письме Ф.Кузнецову от 20 ноября 1965 года есть такие строки: «Живу тихо, но не настолько спокойно, как это некоторые могут подумать, представляя деревню. Нет. Где люди – там нет покоя. Пусть только два двора будут стоять посреди огромной тайги – но и тогда все равно будут происходить драмы, вплоть до самых ужасных трагедий». Но само разочарование, вызванное влиянием внешних обстоятельств, становится у Н.Рубцова источником стремления к прекрасному, укрепляет в поэте идею возвращения человека к естественным законам природы. Этим объясняется прославление целительной силы вечно живой природы в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип...»:

*Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною – гриб,
Подосиновик.*

Характерная черта этого стихотворения – музыкальное единство чувства и языка. Этот романтический прием создания определенного настроения помогает сформировать сказочно-радостную атмосферу стихотворения. И вот уже

восхищенному небывалым урожаем грибов лирическому герою чудится, что живущие в глуши ведьмы не пугают, а «чаруют, кружа, детским пением». Его душа при виде «туч плавных», «лесов достославных», желает лишь одного: «Чтоб такой красотой в тиши / всё дышало бы».

И даже когда поэт на время оставляет деревню и, как герой его стихотворения «На вокзале», ждет поезда, его не покидают мысли о «родимой деревне», о последнем проведенном в ней дне, «торопливым, радостном, зеленом», отошедшем теперь в «таинственную тень» воспоминаний:

*За старинный плеск ее паромный,
За её пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...*

Размышления Н.Рубцова о человеческом назначении в мире, опирающиеся на здравый смысл, непосредственный опыт деревенской жизни и развивавшиеся обычно в «потоке сознания», продолжены в стихотворении «Мне лошадь встретила в кустах...», позднее публиковавшемся под названием «Вечернее происшествие»:

*Мне лошадь встретила в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх.
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил – признаюсь вам –
С одной мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных –
не встречаться!*

Это захватывающее по своей мистической силе стихотворение затрагивает философскую проблему о возможностях развития и совершенствования человека. В данном случае глаза повстречавшихся в лесной глуши двух существ – это их «ока души». И человек, заглянувший в душу другого живого существа, стоит перед «проклятым» и непосильным для него вопросом: неужели он лишь ничтожно малая частица мироздания и как перекинуть мост от одного живого субъекта к дру-

гому, если оба они являются частью единого целого – жизненного потока, Вселенной, но не могут понять друг друга. За советом лирического героя – «лучше разным существам в местах тревожных не встречаться» – стоит мысль о необходимости гармонических отношений человека с окружающей его реальностью, осознании всей полноты своей ответственности за судьбу природы.

В целом же опубликованная журналом «Октябрь» вторая подборка стихотворений Н.Рубцова укрепила представление о нём как о поэте с русским национальным самосознанием, тайну поэзии которого, по словам Ф.Кузнецова, не понять вне русской старины, самого воздуха глубинной и естественной истории, которая и по сей день живет на Севере России.

Поняли это и в редакции журнала «Октябрь», где отношение к творчеству Н.Рубцова и его друзей (а журнал опубликовал лучшие стихи В.Соколова, С.Куняева и других) было неоднозначным. Как писал В.Кожин, «именно поэтому Дмитрий Стариков всего через несколько лет был вынужден уйти из журнала».

Журнальные публикации служили лучшей рекомендацией Н.Рубцову для столичных и провинциальных издателей. В 1965 году Северо-Западное книжное издательство опубликовало книгу Н.Рубцова «Лирика»... Каждое из включенных в книгу двух с лишним десятков стихотворений живет своей жизнью, и вместе с тем все они объединены авторским поиском гармонии времени и вечности, духовности и материальности бытия. Редактор сборника архангельский поэт Анатолий Левушкин (1922–2001) в первую очередь стремился отобрать такие стихотворения Н.Рубцова, которые показали бы корневую связь его творчества с Русским Севером, присущие поэту поиски гармонии в природе, желание раскрыть милосердный характер добродетельных людей, населяющих таежные просторы. Для издательства было важно, чтобы читатели уже на основании первого сборника Н.Рубцова увидели присущее поэту мастерство интонации, умелое владение иронией, утверждение целостности жизни перед лицом быстротечного существования. Но чтобы воплотить в жизнь всё это, у Северо-Западного книжного издательства не было необходимых ресурсов, ведь заявки оно получало от многих, уже признанных, поэтов Архангельска и Вологды. Обычно рукопись молодого автора проходила долгий путь через рецензирование, обсуждение в местном отделении Союза писателей, на редакционном совете издательства, согласование годового плана изданий с местным обкомом пар-

тии и т.д. Как правило, объем первой книги поэта не превышал одного печатного листа, а гонорар ему платили по самой низкой ставке. Всё это пришлось пройти Н.Рубцову, и можно понять высказанное им в письме А.Яшину недовольство малым объёмом сборника, невысокой оплатой. Вместе с тем не следует принижать значение первой книги поэта, как это делают до сих пор исследователи его творчества, указывая лишь дату издания «Лирики» Н.Рубцова. Книга эта ввела стихи Н.Рубцова в контекст русской поэзии Севера, в которой, начиная с Ломоносова и Батюшкова, Клюева и Ганина, доминировали пафос сознания органической связи личности с русской нацией, чувства гражданского, патриотического и общечеловеческого долга.

Из включенных в книгу «Лирика» стихотворений большая часть тематически была связана с романтическим культом северной природы, как и с представлением о живущих на селе северянах как о «детях природы». Любовь автора к родной земле Русского Севера исполнена такой любви и страсти, что она создает собственную архитектуру стихотворения, стержнем которой является авторское убеждение, что всё в природе имеет для человека высокий духовный смысл.

Стихотворение «У сгнившей лесной избушки...» начинается со знакомства с лирическим героем, которому больше всего нравится «собирать волнушки / на склоне осеннего дня». Но стоит человеку оторвать взгляд от земли, и мир предстает перед ним в своей первозданной красоте. Он видит полет журавлей «под куполом светлых небес», слышит, как «с дерева с легким свистом / слетает прохладный лист» и шуршит осока под плывущей по каналу лодкой. Всё кругом – «и холодно так, и чисто»:

*И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...*

Оставшись наедине с лесом, человек осознает свою первородную свободу и вместе с ней понимание того, что он является лишь частью природного круговорота вещей, что всё тленно в жизни, всё отрицает вечность. И вместе с тем к нему приходит мысль, что достигнутая на природе в момент озарения душевная гармония (как духовная, так и физическая) – это сама жизнь со всей её полнокровностью.

Для Н.Рубцова родная деревня, родной дом столь же душевно дороги, как и для автора повес-

ти «Привычное дело» («Север», 1966, №1) В.Белова, для которого «по своей значимости «родной дом» находится в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть и жизнь, добро и зло, Бог, совесть, родина, земля, мать и отец». Оба автора после демобилизации работали на заводах, окончили вечернюю школу и поступили учиться в Литературный институт им. Горького (В.Белов – в 1959-м, Н.Рубцов – в 1962 г.). Оба в юности уехали искать счастье в дальние края и вернулись домой. С высоты обретенного опыта Н.Рубцов пишет стихотворение «Родная деревня», где советует «пылким мальчишкам» и девочкам не торопиться покидать родные края:

*Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!*

Включенные в первую книгу Н.Рубцова (и проанализированные нами ранее) стихотворения «Русский огонёк», «Загородил мою дорогу...», «Старый конь», «Тихая моя родина» (с посвящением В.Белову) рисуют крестьянский мир в его целостности с уважением к духовным и нравственным ценностям народа.

Вместе с В.Беловым Н. Рубцов в единый сплав народной жизни включает труд на родной земле не по принуждению, а по призванию, когда работа из осознанной необходимости превращается в нечто приятное и естественное, приносит радость людям. Человек на земле, по убеждению обоих писателей, был благодарен земле, кормившей, поившей и нежившей его. Стихотворение Н.Рубцова «На сенокосе» заканчивается описанием праздничного настроения сельчан после окончания летних работ на лугу: «И слышен смех / в тени под ветками, / и песни русские слышны». Красота старинной песни и творческий труд органически сливаются воедино.

Герои В.Белова и Н.Рубцова безмерно любят родной очаг, вокруг которого собираются родные и близкие. Они верят, что под крышей родного дома встретят доброту и терпимость, а в окружающем мире – дружбу между людьми, гармонию и спокойствие в обществе. «Каждое утро на протяжении многих веков, – писал В.Белов, – возникает в печи огонь, чтобы греть, кормить, утешать и лечить русского человека: с этим огнём связана вся его жизнь... И если есть в мире слияние незримого и физически ощутимого, то пример родного очага идеальный для такого слияния». Такие же чувства испытывал и Н. Рубцов,

когда возвращался из столицы в Ни́колу и топил печь. «Удивительно хорошо в деревне! – писал он А. Яшину 25 сентября 1964 года. – В любую погоду. Самая ненастная погода не портит мне здесь настроение». В стихотворении «Ось» он вспоминает, как до поры до времени любил странствовать, «куда хотел, туда и мчал»:

*Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, –
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,
И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..*

Даже из воспоминаний о детстве, о своей сиротской жизни Н. Рубцов для стихотворения «Помню, как тропкой, едва заметной...»¹⁸ отбирает самые светлые впечатления, связанные с рыбалкой на речке, «где мы с острогой ходили летом / ловить налимов», а потом купались до изнеможения, «смотрели в небо, и небо тоже / глазами звезд / на нас смотрело».

По поводу этого стихотворения, впервые опубликованного в 1960 году под названием «Воспоминание», у Н. Рубцова тогда же разгорелась дискуссия с ленинградским поэтом Германом Гоппе. Прочитав его отзыв, Н. Рубцов отвечал в марте 1960 года:

«Вы пишете, что на Вас странное впечатление произвело стихотворение «Воспоминание». А мне, хочу признаться, странным кажется Ваше впечатление. Что искусственного в том, что первые раздумья о родине связаны в моих воспоминаниях с ловлей налимов, с теми летними вечерами, какие описаны в стихотворении?»

Я чувствую, что люблю свою деревню, реку, где можно ловить налимов, где полощется заря и отражаются кусты смородины, люблю всё, что вижу вокруг, и, грешен, не подозревал, что эта любовь неестественна, поскольку она не связана с какими понятиями, как «целина», «спутник», «борьба за мир», «семилетний план».

Вы говорите: «Стихи очень традиционны». Согласен. Но этот грех наполовину не мой. Когда-то, читая стихи в газетах, я убедился и был убежден до последнего времени, что кроме поэзии так называемой «ура-патриотической» у нас никакая поэзия не принимается. Позднее я стал печататься в газете «На страже Заполярья» – газете Северного флота... Не только там, и в некоторых других газетах шаблон, казенщина, можно сказать, узакони-

вается... А что мы, флотские поэты, делали? Часто делали? ...Брали готовую, казенную мысль и терпеливо протаскивали ее сквозь весь свой лексикон, надеясь, что она, чужая мысль, обрстет новыми словами. Но, как ни трепыхайся, будешь все равно бессилён перед законами природы: чужая мысль – чужое слово, твоя мысль – твои слова! А твои мысли, твои слова только в твоей жизни. Коли есть талант, воспой не то, что тебе предлагают, а то, что видишь ты, что слышишь ты, что чувствуешь ты, чем живешь ты».

Таким оставался Н. Рубцов и в своей любовной лирике, где природа перестает быть таинственной, непознаваемой для человека, но оказывается необходимым его спутником, участником горестей и радостей, порой прямым выразителем мыслей и настроений поэта. В стихотворении «Соловьи» пением птиц «затоплена ночь», «не шумят тополя», «закатился закат», и всё это отражает грустное настроение лирического героя, который с болью вспоминает о последнем разговоре с любимой девушкой на окраине села, когда она пришла на свидание с отслужившим три года на флоте моряком и сказала: «Прости». Боль от измены любимой была такова, что герой чувствовал себя человеком, которого «смыло за борт». Спустя годы он вновь «в трудный час, когда ветер полощет зарю», идет слушать пение соловьев, шум тополей и ждет, что природа поможет залечить полученную в юности душевную травму, даст ответ на вопрос, правда ли, «что любовь не вернуть, / как нельзя отыскать / отвихрившийся след корабля?».

В стихотворении «Букет» непосредственность любовного чувства сопряжена с проходящим через всю лирику поэта напряжением в восприятии реального и идеального образа любимой:

*Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.*

После такого романтического вступления можно ожидать развития темы «прекрасной Незнакомки». Но пережитая поэтом в юности душевная травма (измена любимой девушки) приводит его к пониманию, что идеальное и реальное, как две линии, исходят из одного угла. Он мечтает подарить букет некоей идеальной девушке, но, как выясняется, в реальной жизни она совсем не является воплощением чистой духовности, а

воспринимает мир в его чувственной форме. Поэтому она далека от идеального склада мироощущения влюбленного в неё поэта и проходит мимо него, «не поднимая глаз, / не улыбнувшись даже...». Спустя годы герой начинает осознавать свои юношеские ошибки, понимать единство двух сторон в любовном чувстве: духовного содержания и его чувственного воплощения. Достигнув внутренней гармонии, он вновь намерен нарвать букет цветов, чтобы его взяла «та девушка, которую люблю».

По воспоминаниям Ф.Кузнецова, Н.Рубцов «был соткан из противоречий, был трудным, сложным и очень колючим человеком. Однако при всей, казалось бы, непредсказуемости его «колючесть» была мотивированной и адресной. Он был очень тонким, прекрасно чувствовавшим людей человеком».

Романтическая приподнятость стихов о жизни Н.Рубцова в селе Никольском, отобранных редактором книги «Лирика» А.Левушкиным, конечно же, не отражала полностью отношение поэта к деревенской жизни. В письме к А.Яшину от 19 ноября 1965 года он писал об «очень привлекательных свойствах» сельских жителей, что не мешало ему вспомнить слова С.Есенина: «Нет любви ни к деревне, ни к городу...» и добавить: «Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств... Особенно не люблю тех женщин, которые вечно прибедаются, вечно жалуются на что-то, вечно у которых кто-то виноват, и виноват настолько, что они рады бы стереть его с лица земли... Кажется, от «толстовства» в деревне и следа не осталось». Частично такие настроения поэта отражены в стихотворении «Фальшивая колода». Действие его происходит ранним утром на берегу реки, в ожидании парома. Направляющийся в родную деревню герой нетерпелив в ожидании перевозчика («Когда же, когда же // отчалит проклятый паром?»). Его успокаивает и приводит в восхищение только красота утренней зари («Взлетел раскаленный, / светящийся солнечный шар!»). И в этот момент духовного единства с природой всё настроение тонко чувствующего красоту человека рушится от заведенного несколькими пассажирками парома «глухого разговора о хлебе, о ценах, / о смысле какой-то проблемы». Спасти от таких разговоров на общую тему «среди молодых, но уже разжиревших людей», удастся только после швартовки парома к причалу:

*Сошел я с парома
И сразу направился прямо
Дорогой, лесами,
Дорогой, полями...*

В который раз общение с природой спасает поэта от «фальшивой» жизни, потерявшей перспективу.

Н.Рубцов жил и творил в закрытом обществе, где существовала система указаний, где мораль выступала в форме подавления, принуждения ради выполнения долга и подчинения индивида обществу. Судя по многим высказываниям поэта, он видел безотрадную картину «разумных» начал советского образа жизни. Поэтому в своей поэзии он искал каких-то иных идеалов и видел их в возврате к простоте, аскетизму, к нравственным нормам православного мистицизма. Для Н.Рубцова единственной его собственностью было обладание свободной волей. Мистический опыт поэта развивался в ощущении всеобщности и единения со всеми людьми. В его стихах господствовало настроение миролюбия, ухода от критики «болевых точек» современного ему «массового общества». Это настроение достигалось через погружение в себя, отрешение от будничных забот. В эти минуты вдохновения возникали спокойная уверенность в своем призвании и духовный подъём, вера в своё личное (и человечества) бессмертие. В стихотворении «Мачты», включенном в книгу «Лирика», Н. Рубцов касался своих раздумий о сущности и судьбе человека при созерцании «звезд над бездной»:

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,
Будто всё начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.
Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется – нет забытья!
Всё я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.*

Казалось бы, в стихотворении «Осенняя песня» преобладают грустные краски поздней осени:

*Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался –
Эх – осенний поток!
По дороге неслись*

*Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Пароходный свисток...*

Но ощущение свободы и творческого подъёма не оставляет поэта. Поэтому он не испытывает и в непогоду потерянности и страха. Ведь он уже нашёл своё призвание и руководствуется характерным для русского человека «безотчетным стремлением отдавать всего себя какому-либо святому делу»¹⁹. Для него таким «святым делом» является Поэзия, служение которой даёт ощущение правильно избранного им жизненного пути:

*Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянёт
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
неплохой человек.*

Н.Рубцов дорожил верой в бессмертие души и одним из доказательств тому считал бессмертие творческого наследия поэтов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, художника Левитана, которым он посвятил включенные в книгу «Лирика» стихотворения «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева» и «Левитан». Пушкина Н.Рубцов называл «зеркалом русской стихии»; Лермонтова – человеком, который «молча верил / в смертный рок»; Ф.Тютчева – поэтом, который «блистал, как сын природы, / играя взглядом и умом». Издательство включило в сборник эти далеко не лучшие стихи Н.Рубцова с одной целью – оправдать перед цензурой и в партийных кругах области своё внимание к молодому поэту как продолжателю традиций русского искусства (что и было на самом деле). Ещё одним доводом в защиту автора было его рабочее происхождение и крепкая армейская закалка, что было подчеркнуто включением в сборник стихотворения «Я весь в мазуте, весь в тавате...».

Работа над книгой продолжалась два года, и за это время Н.Рубцовым были написаны уже десятки других стихотворений, которые внесли в поэзию новые мотивы и образы. Как показало включенное в книгу «Лирика» стихотворение «Утро утраты», Н.Рубцов обладал неповторимым художественным видением. Судя по стихотворению «Стихи из дома гонят нас», для него поэзия была сродни зимним вьюгам («Кто может их остановить?») и восходу солнца («Кто может средство отыскать, / чтоб задержать его восход?»).

Вот так поэзия, она

*Звенит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.*

Для Н.Рубцова природа и родная земля были мерой всего, истоком жизни человека и народа. Это он стремился показать в своей первой книге, хотя после её выхода признавался в письме В.Елесину: «Конечно, тут далеко не все, на что я способен». Отвечая, В. Елесин высоко отозвался о книге и сделал несколько замечаний. Уже 24 октября он получил письмо от Н.Рубцова:

«Я рад, что книжечка моя тебе в общем-то понравилась. С твоими дружескими (очень уж скромными) замечаниями я согласен. Да, есть у меня пристрастие к восклицательным знакам. Ставить их где надо и не надо. Ну, а насчет того, что колокол под дугой звенеть не может, даже «легонечко», когда лошадь идет шагом, – это, Вася, плод твоей великолепной фантазии. Сейчас вот бабки говорят: «Колокольчик на любой животине всегда звенит». Да и как ему не звенеть, если дороженьки-то наши настолько ухабисты, Вася, что тут и дуга, и оглобли, и груз, не только колокольчик – всё запоет».

В том же месяце, 30 октября, В.Елесин опубликовал в тотемской районной газете «Ленинское знамя» рецензию на книгу Н.Рубцова с символическим названием «И песни русские слышны». Откликнулась на выход «Лирики» газета «Вологодский комсомолец», поместив на своих страницах 5 декабря отзыв Ю.Ратникова «Песня жаворонка». Поддержала успешный творческий дебют поэта и «Литературная газета». В статье «Честь быть человеком», опубликованной 14 декабря 1965 года, Марк Соболев писал: «Рядом с именами поэтов, которых я давно знаю и люблю, встало новое для меня имя: Николай Рубцов. Это имя стоит запомнить. В каждом стихотворении... слышен очень чистый «земной голос» поэта. Его лирический герой неотторжимо от родной земли, от друзей, от сограждан...» Доброе слово о поэзии Н.Рубцова и его книге «Лирика» сказал петрозаводский поэт Юрий Линник в журнале «Север» (1966, №3, с. 124-125).

Однако чувство неудовлетворенности не оставляло Н.Рубцова. На книге «Лирика», подаренной А.Яшину, автор сделал надпись: «Дорогим и прекрасным Александру Яковлевичу и Злате Константиновне с глубокой любовью от автора. С просьбой не читать зачеркнутые стихи. 13.2.66 г.». Всего рукой Н.Рубцова в книге «Лирика», по свиде-

тельству Н.Яшиной, «девять стихотворений из двадцати пяти целиком перечеркнуты».

Впоследствии Н.Рубцов в три составленных им ещё при жизни стихотворных сборника не включал из книги «Лирика» стихотворения «О Пушкине», «Дуэль», «Левитан», «Фальшивая колода», «Помню, как тропкой едва заметной...», «О чем шумят друзья мои, поэты...», «Букет».

Всё внимание Н.Рубцова теперь было сосредоточено на книге «Звезда полей», рукопись которой он передал в издательство «Советский писатель» еще в 1964 году. Рукопись, к редактированию которой приступил московский поэт В.К.Семакин, включала десятки стихотворений, которые были написаны Н.Рубцовым в первой половине 1960-х годов. Среди них были знакомые по сборнику «Волны и скалы» стихи «Взбегу на холм и упаду в траву...», «Эх, коня да удаль азиата...», «Элегия», а также два цикла стихотворений, опубликованных в журнале «Октябрь» в 1964–1965 годах. Были представлены автором на рассмотрение издательства и стихотворения из книги «Лирика» («Тихая моя родина», «Русский огонек», «Родная деревня», «Утро», «Приезд Тютчева», «Мачты», «Осенняя песня», «Загородил мою дорогу...», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...»).

В процессе работы с издательством Н.Рубцов внимательно относился к замечаниям редактора и к составу сборника. Знакомые читателю по прежним публикациям стихотворения обрели новые краски, глубину и объёмность повествования, чтобы подчеркнуть ту масштабность, с которой автор подходит к жизни, к человеку, к миру. Одновременно Н.Рубцов приносил стопки новых своих стихотворений, которые были написаны в самое последнее время, и они сразу шли в работу. Так продолжалось два с лишним года, прежде чем в апреле 1967 года книга «Звезда полей» вышла из печати и стала продаваться в Москве.

Все эти годы Н.Рубцов вёл кочевой образ жизни. В Москву он приезжал для сдачи экзаменов за очередной курс Литературного института и жил то в общежитии (откуда его постоянно выгоняли), то у друзей и знакомых. Потом он возвращался в Вологду и по линии местного Союза писателей выступал в районах с чтением своих стихов. Жил на редкие гонорары, которые получал от публикаций стихов в местных, в том числе районных, газетах. Долгое время не был нигде прописан, пока при поддержке вологодской писательской организации не получил место в общежитии, в комнате на троих. Личная жизнь не складывалась. «Чувствую себя изгнанником», – писал Н.Рубцов в начале 1966 года А.А.Романову.

Изгнанником чувствовала себя и его поэзия, которую не замечали создатели очередной «Истории русской советской литературы» (в 4-х томах, 1917–1965 гг.). Во втором издании этого академического труда (М., 1971) образцами «литературы молодых» в области поэзии во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х годов назывались «стихи и поэмы Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Р.Рождественского, Б.Ахмадулиной, Н.Матвеевой, Р.Казаковой, Е.Исаева, В.Цыбина, Б.Окуджавы».

Объяснить такую «формулу умолчания» стало возможным после выхода в свет книги «Звезда полей». Оказалось, что поэзию Н.Рубцова невозможно уложить в прокрустово ложе общепринятых направлений в советской поэзии. Она не подходила к представлениям об «интеллектуальной лирике» (П.Антокольский, Н.Заболоцкий, А.Тарковский, В.Шефнер) и «эстрадной поэзии» (Е.Евтушенко, А.Вознесенский). Даже «деревенской» лирикой (А.Яшин, С.Викулов, В.Солоухин, В.Цыбин) назвать её было затруднительно. Что же касается понятия «тихая лирика», то оно В.Кожинным было названо «неоправданным», поскольку «к основным стихам Н.Рубцова оно явно не применимо». И далее В.Кожиннов утверждал, что «истинное существо поэзии Николая Рубцова – в воплощении слияния человека и мира».

Всё это было бы правильным, если не учитывать, что социалистический мир, в котором Н.Рубцов жил, был чужд поэту своим рационализмом, непониманием, что главное в культуре – творчество, что поэт, который проникается формулами социалистического реализма, уже не способен к созиданию, к поиску «философского камня» поэзии. Питаясь великими традициями русской поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Н.Рубцов не мог не почувствовать, что всё гениальное в мысли и слове продолжает линию вселенской культуры на противоборство с рационализмом, который обесмысливает творчество.

Русский философ В.Ф.Эрн писал в 1911 году о кризисе современности, уже вступившем в фазу всемирно-исторической углубленности, о ясно обозначившейся борьбе культуры (погибающей в подделках) против цивилизации (которая уничтожает «инстинктивную мудрость Природы как Сущего») и говорил об участии истинных творцов: «Гений нашего времени стоит спиной к современности... Корни гения всегда уходят в мистические глубины Сущего».

Авторы изданных при советской власти статей и книг о поэзии Н.Рубцова в целях защиты автора

от нападок цензуры обычно утверждали, что «патриотизм и гражданственность – это ее глубинная сущность»²⁰. При этом упускалось из виду, что гражданственность при жизни Н.Рубцова понималась упрощенно. Как показал разговор «за круглым столом» в сборнике «День поэзии» 1967 года, её неизменными элементами были «определенность классовых позиций, общественная активность, возвышение человеческой личности в самых различных сферах духовной и нравственной жизни».

Что же касается Н.Рубцова, то в его понимании «поэтами не являются те авторы, которые создают абстрактные понятия или образы прекрасного». Поэтами он называл «носителей и выразителей поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта». «Плодотворным» для него был путь поэзии «через личные, глубоко индивидуальные переживания, настроения, раздумья... Переживания должны быть действительно глубокими, мысли – действительно сильными, настроения – действительно яркими. Только на этой почве произрастают цветы поэзии. К сожалению, они, как подснежники, еще бывают занесены холодным снегом декларативности, рационализма...».

В стихах из книги «Звезда полей» нет звучащих в 1960-е годы в дискуссиях о «самовыражении» и «лирическом герое» призывов к «четкости социально-политической позиции поэта», «активности в служении задачам времени», «потребности осмыслить пути формирования нового общества развитого социализма». Н.Рубцов в своих стихах поистине «стоит спиной» к социалистической современности и не обращает внимания на развернувшиеся при нём споры о «физиках и лириках», о цели и содержании НТР (научно-технической революции) в условиях социализма. Он придерживается позиции глубоко почитаемого им А.Яшина, который вместо ответа на анкету «Дня поэзии. 1968» прислал предупреждение: «...мы неправоммерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития...), когда нужно просто писать».

Н.Рубцов это и делал – «просто писал», но уходил при этом в такие мистические глубины, что читатели переживали нечто особенное, странное и несказанное. Все эти возникавшие в душе непонятные здравому смыслу ощущения были во многом загадочны и необъяснимы, но именно поэтому безмерно тянули к таинственному свету поэзии «Звезды полей», словно исходящему из

другого, параллельного мира. Как писал М.Лобанов, в поэзии Н.Рубцова «миросозерцание неизмеримо углубляется... причастностью к тому, что, в сущности, невыразимо».

В отличие от многих людей, которые допускали реальность одного рода – именно ту, которая доступна рассудочному сознанию, Н.Рубцов в своих стихах стремился осознать недоступное человеку существо мирового бытия. Для Н.Рубцова был более привлекателен «опыт таинственного, непостижимого по сравнению с опытом, выражаемым в ясных понятиях и представляющим нам бытие в форме «знакового», «понятного», «ясно и отчетливо постижимого»²¹. Такое мироощущение объяснимо судьбой России, которую постоянно сотрясали трагические войны, социальные потрясения и природные катастрофы. Отсюда – присущее русским «чувство каких-то таинственных сил, которые внезапно захватывают наш привычный, знакомый, устойчивый мир. И какими бы разумными, ответственными людьми мы ни считали самих себя, как бы мы ни срослись с нашим социальным положением, «ролью», которую мы «играем» в социальной среде, – порой – хотя бы изредка – в нас шевелится и что-то совсем иное; и это иное есть что-то непостижимое и таинственное; и мы смутно чувствуем, что подлинное существо нашей души есть что-то совсем иное, что мы привыкли скрывать не только от других людей, но и от самих себя».

Нечто «непостижимое и таинственное» есть и в стихотворении Н. Рубцова «В горнице», открывавшем книгу «Звезда полей». Внешне оно выглядит как описание объективного деревенского бытия, где царит порядок крестьянской жизни, где навеки всё остается натуральным и рациональным:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Но вместе со светом ночной звезды в читательскую душу незаметно проникает та «объективно-космическая мистика язычества»²², которая оказывается выше частных деталей крестьянских забот. Лирический герой замечает завядшие в саду любимые красные цветы, догнивающую на речной мели лодку, и это усиливает в нём «влечение к пределам, к окончательным выводам, к концу». Как писал далее Н.А.Бердяев, «катастрофический, полный мировой тревоги и мировых предчувствий дух Достоевского и есть наш национальный мистический дух».

Характеризуя своеобразные зачины стихотворений Н.Рубцова, В.Кожинев пишет о «глубинном движении, воплощающем со-бытие человека и мира». Но если взглянуть глубже в содержание стихотворения «В горнице», то можно увидеть, что, в отличие от хозяйки дома, ночью идущей на прорубь за водой, лирический герой далек от деревенского бытия. Он – гость в этом странном для него мире потерявших вдали от цивилизации людей, которых словно не затронули потоки времени. Если бы он ощущал свою слитность с деревенским миром, то уже давно в доме была бы вода, лодка на берегу не сгнила, а красные цветы были политы.

Пока же в снах лирического героя другого стихотворения Н.Рубцова – «Осенние этюды» – исчезнувшая жизнь «прошедших здесь крестьянских поколений» видится сказкой:

*И вдруг уснет могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о себе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забытья...*

Так бывает во время вечерней медитации, когда душа человека, замороженного сиянием ночной звезды и сумевшего полностью отключиться от реальной действительности, переносится в сказку, где всё так прекрасно, что не хочется возвращаться в текущее бытие. Прелесть испытанного в сказке волшебства усиливается во много раз тем, что сказка неповторима в этой жизни, что она исчезла в волнах времени, что её уже никогда не увидишь.

За многократно повторяемым критиками тезисом о «простоте и безыскусственности» стихов Н.Рубцова кроется нежелание понять и признать, что творческой силой поэта был мистический реализм, через который он шел к откровению, к сознанию национального мессианизма. Он был из тех представителей национального русского мистицизма XIX века (Чаадаев, славянофилы, Достоевский, Вл. Соловьев и др.), чья мистика «предполагает укрепление, а не ослабление воли, усиление, а не ослабление света», чей путь к мистическому экстазу «не есть путь хаоса и тьмы, а просветления и оформления»²³. В стихотворении «Старая дорога» лирический герой стоит как бы на пороге между небытием и бытием. Он непостижимым образом видит то, что есть, не будучи бытием: идущих из глубины вре-

мени «в нетленной синенькой рубашке» пилигримов, слышит, как «зной звенит во все свои звонки». Затем от этих видений он возвращается к современности, которая безлюдна, поскольку в ней лишь «дремлет пыль и обитают мыши / да нелюдимый филин – властелин». Возникает ощущение необитаемой планеты, откуда исчезли люди: «И снова глушь, забывчивость, заря, / все пыль, все пыль да знаки верстовые». Старая дорога становится неким символом хаоса и тьмы, но автор не допускает «ослабления света» и заключает стихотворение «славой» предкам и верой в укрепление воли русского народа, у которого столь славное прошлое:

*Здесь каждый славен –
                                мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит...
Но этот дух пойдет через века!*

Русский философ Н.А.Бердяев отделял мистику субъективную, индивидуалистическую, мистику «переживаний» от мистики соборной, которая уже при нём была запрещена и изгнана. Первая из них, по его мнению, почти ничем не отличается от субъективных психологических состояний, состояний хаотических и иррациональных. Она вполне приспособлена к буржуазным нравам эпохи и к кабинетным настроениям культурных людей. «Мистик разрешенного образца, – писал Н.А.Бердяев, – может жить в мире, как и все мирские люди живут, без юродства, без жертв, без муки отвержения миром, во фраке, причесанный и приглаженный... Настоящая мистика претендует на верховное значение, её нельзя загнать в темный угол и запретить ей из него выходить на свет Божий. Мистика непременно хочет выйти на свет Божий, непременно хочет посмеяться над всеми категориями и ограничениями... Творческое значение имеет ныне лишь та мистика, которая связана с временами и сроками всемирной истории, воспринимает смысл истории и предчувствует конец истории». Всё это характеризует и мистический реализм Н.Рубцова, писавшего в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»:

*О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, моё божество!*

Н.Рубцов творил в то время, когда жизнь России постепенно ввергалась в кризис, с каждым годом увеличивавшийся, когда культура поглощалась прогрессом материальной цивилизации, а русская мысль оказалась под пятой партийного рационализма. Тем более остается неисчерпаемым, храня по-прежнему тайну, дар поэта через слово овладеть всей полнотой человеческих переживаний, выявить самые глубокие и обычно скрытые стороны духа, что ранее удавалось Пушкину, Гоголю, Толстому, Достоевскому.

Это тем более удивительно, что Н.Рубцов жил в мире не так, как живут все мирские люди: порой юродствовал, злоупотреблял алкоголем, был неразборчив в отношениях с женщинами, годами не видел выросшую вне брака дочь и по всем этим показателям мог быть причислен к лику «грешников». Но родился и жил Н.Рубцов в России, которая, писал русский философ В.Ф.Эрн, «изнутри православна... Народ, который дал св. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского и множество великих святых, существенно пронизан религией Слова, точно так же как отдельный человек, раз уверовав в Христа и имея в жизни своей несколько ярких и абсолютных проявлений веры, – уже существенно пронизан христианством, и, как бы далеко ни была от христианского идеала его жизнь, сколько бы ни грешил и ни падал он, – он по существу христианин – христианин, хотя и грешник». Сознанием живший вне религии, Н.Рубцов во внутреннем мире своих художественных созерцаний был православен. Он любил писать о «святости невеселых наших мест», о «пасхе под синим небом / с колоколами и сладким хлебом», о своей любви к «погостам и молитвам», о восприятии «земной красы / почти молитвенным обрядом...» и призывал жить по христианским заповедям:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

Имея за плечами две опубликованных книги, Н.Рубцов в сентябре 1967 года подал заявление в приемную комиссию Союза писателей. Реко-

мендации ему дали Василий Белов, Виктор Коротаев, Феликс Кузнецов, Александр Романов. Через год ему был вручен писательский билет. Книга «Звезда полей» стала дипломной работой Н.Рубцова, которую он защитил в Литературном институте имени Горького в 1969 году. Выступая на защите, поэт Егор Исаев говорил: «Я помню её сердцем. Помню не построчно, а всю целиком, как помнят человека со своим неповторимым лицом, со своим характером... В ней есть своя особенная предвечерность – углубленный звук, о многом говорящая пауза. О стихах Николая Рубцова трудно говорить – как трудно говорить о музыке. Слово его не столько обозначает предмет, сколько живет предметом, высказывается его состоянием».

Книга «Звезда полей» принесла Н.Рубцову широкую известность, но почитать на лаврах поэт не мог. Стихи он писал от души, но другого способа зарабатывать себе на пропитание у него просто не было. Платили поэтам тогда за каждую строчку, причем за первую публикацию – 100 процентов гонорара, за вторую – 60 процентов, за третью – еще меньше... Поэтому когда Н.Рубцов вновь решился завязать контакты с Северо-Западным книжным издательством и послал туда очередную рукопись, то постарался внести в неё как можно больше ранее не входивших в его книги стихов. Что же касается позиции издательства и взявшейся за редактирование стихов Н.Рубцова В.К.Лихановой, то они были заинтересованы – на волне популярности «Звезды полей» – включить в книгу прежде всего лучшие стихи Н.Рубцова прежних лет, тем более что объём присланной поэтом рукописи намного превышал запланированные два листа.

У издательства вызвали возражение из-за недостаточной «идейной направленности» стихотворения «Пейзаж», «Старик», «Последняя ночь», «Памяти Анциферова», «Взглянул на кустик». В этом же списке стояло стихотворение «Во время грозы», но поэту удалось его отстоять. В другой список отвергнутых издательством как «малозначительных» попали стихотворения «В твоих глазах», «По дороге к морю», «Когда души моей...», «А дуба нет...», «Ласточка», «О собаках», «Я забыл, как лошадь запрягают...», «Кружусь ли я...», «В избе», «Голова моя не дура...», «Ничего не стану делать», «В пустыне», «Волнуется южное море». В этом списке находились и стихотворения «Пальмы юга», «Последний пароход», «В сибирской деревне», однако по настоянию автора они были оставлены в книге. Стихотворения на морскую тематику были представлены одним («Мачты»).

В итоге в рукописи сборника Н.Рубцова «*Душа хранит*», подписанного к печати 3 декабря 1969 года, большую часть составляли стихи, уже знакомые читателям «*Звезды полей*». Из других отбирались те, в которых звучала тема Русского Севера, что служило оправданием выхода книги в Архангельске и характеризовало патриотические чувства автора.

Эта несколько «приземленная» направленность включенных в книгу «*Душа хранит*» стихотворений имела своё оправдание. Н.Рубцов всегда поддерживал таких поэтов, как О.Фокина, кто «жить не может без стихов о родной самобытной сельской земле» и пишет «о самом простом и дорогом для всех – о матери, о любви, о природе, пишет о своей судьбе, а также о судьбе земляков». Сказанное Н.Рубцовым о творчестве О.Фокиной относится и к включенным в книгу «*Душа хранит*» стихам о Русском Севере.

Открывавшее новую книгу поэта стихотворение «*Ночь на родине*» представляет образец «тихой лирики» Н.Рубцова. Описание уснувшей природы преломляется через умиротворенное состояние души поэта, вернувшегося на родину после разлуки. Как бальзам на душу воспринимает он ночную тишину, которую прерывает редкий крик сонного коростеля. В окружающем поэта сельском пространстве «спокойные кругом ложатся тени», замерла в реке «глубокая вода», «не встретится ветер», «и тихо так, как будто никогда / уже не будет в жизни потрясений». Казалось бы, в этот миг душа поэта достигает полной внутренней свободы и он готов поверить в избавление от преследующих его сил зла и страданий, что «никогда уже не будет в жизни потрясений». Но после этих слов, которые выглядят финалом размышлений о ночной красоте, следует заключительное четверостишие, в котором желание человека отныне жить жизнью свободной, естественной, далекой от рационализма цивилизации, наталкивается на грустное понимание невозможности исполнения всех этих мечтаний:

*И всей душой, которую не жаль,
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Магия естества для Н.Рубцова таинственна и бездонна. В момент творческого вдохновения такие люди чувствуют, будто через них проходят некие магические силы, обещающие раскрыть тайну божественного бытия в мире. «Мистический реализм – безумен и требует отречения», –

писал Н.А.Бердяев, говоря об опасности разрушения личности, если человек становится проводником магических сил. Душевную благодать Н.Рубцов искал в спокойствии и тишине деревенского бытия и природы, в реальности мира, в спасении от хаоса и темноты в просветленном восприятии красоты Отечества. В давшем название книге стихотворении «*Душа хранит*» поэт ищет философский камень или жизненный эликсир в «смиренном и родном» виде берез, изб по буграм, речной воды «недвижнее стекла». Венчает эту картину «отраженный глубиной, / как сон столетий, божий храм». Тем самым жизнь русской деревни до конца растворяется в святости, возвышенно гармонизирована и неизменна в своем вечном существовании. Н.Рубцов очень хочет, чтобы сохраненная в русской глубинке цельная природа человеческого духа сохранилась навсегда, чтоб цивилизация обошла этот островок тишины и спокойствия, «не тронув этой красоты». И вместе с тем он не может не осознавать, что его видения земной благодати похожи на некий фантастический образ из причудливо сложившихся в небе облаков, который в любой момент может исчезнуть. Остается лишь верить, что «древний этот вид» будет –

*Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен.*

Об умении Н.Рубцова наполнить элегическую интонацию истинно философским содержанием писал Ю.Линник, подчеркивая, что «в современной поэзии пока одному Николаю Рубцову удалось так тонко воссоздать интонацию спокойного размышления или элегического раздумья, столь характерную для нашей классики».

Интонацией элегического раздумья наполнены и пейзажные зарисовки Н.Рубцова. В стихотворении «*Далекое*» описание вьюги, которая «полночным набегом / поля замечает кругом», ведет поэта к раздумьям о скоротечности жизни: «Как все это кончилось быстро! Как странно ушло навсегда!» В стихотворении «*Шумит Катунь*» раздумья на берегу несущейся «с рыданьем и свистом» алтайской реки приводят к видениям воинственных скифов, топтавших эти берега и поджигавших стоянки «светлых русских деревень»: «Молчат цветы, безмолвствуют могилы, / и только слышно, как шумит Катунь...» В стихотворении «*Отплытие*» покидающего деревню человека сопровождают картины «размытого пути» и растущих вдоль него «кривых тополей» да тоскливо пою-

ший вдали «гудок разлуки»: «И вдруг такой повеяло с полей / тоской любви, тоской свиданий кратких!» Тонко воссоздана интонация спокойно-размышления и в стихотворении, начинающемся строкой «В минуты музыки печальной...», после чего в той же музыкальной тональности в воображении поэта возникает желтый плес реки, на котором он когда-то «под шум порывистых берез» услышал прощальный голос любимой женщины. Вся последующая жизнь видится ему как «путь без солнца, путь без веры / гонимых снегом журавлей»:

*Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.*

Утверждение В.Оботурова, что Н.Рубцов «жил мечтой о сохранении единства человека с родной природой», означает наивное прикрепление человека к природному миру, свойственное натуралистическому антропоцентризму. Оно не подходит к Н.Рубцову, который, в отличие от официальной советской философии своего времени, видел в человеке не частное проявление природного мира, а космос, малую вселенную. «И та лишь философия в силах прозреть космос в человеке, которая видит, что человек превышает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия, – писал Н.А.Бердяев. – Что в человеке скрыты тайные, оккультные космические силы, неведомые официальной науке и будничному, дневному сознанию человека, в этом почти невозможно уже сомневаться... Человек есть точка пересечения всех планов бытия».

На такие размышления наводит стихотворение Н.Рубцова «Во время грозы». Оно начинается описанием разбушевавшейся стихии: «Внезапно небо прорвалось / с холодным пламенем и громом!» Качаются от ветра сады, лесные дали заволочла «завеса мутная дождя». Казалось бы, попавший под грозу человек должен ощущать себя потерянным в этой бесконечности гнева природы, чувствовать себя жалким, раздавленным своей беспомощностью и внезапно пришедшим к нему сознанием, что он – лишь песчинка, бесконечно малая часть вселенной. И здесь в стихотворении появляется тональность иного рода: на фоне идущей «гора – горой» тучи поэт рисует образ церкви, которая «под грозой / молчала набожно и свято».

Для Н.Рубцова «человек не только природное существо, но и... существо божественного про-

исхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее «в мире сем», но «не от мира сего». Не «от мира сего» и лирический герой стихотворения «Во время грозы», которого никакие явления природы не могут лишить «царственного и исключительного самосознания»:

*Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.*

Название сборника – «Душа хранит» – многозначно и при внимательном прочтении всех 57 включенных в книгу стихотворений позволяет, в зависимости от восприятия мира автором, разделить их на две категории. Русский философ В.Ф. Эрн называл их как «иллюзорные» и «действительные» и писал далее: «К первым относятся все обычные восприятия мира, дающие возможность тем, кто не знает правды, жить спокойно, даже радоваться и веселиться. Ко вторым же должны прийти все, перед кем время откроет обнаженную сущность явлений. Этим увидевшим и познавшим – веселиться уже нельзя. Они могут только ужасаться, потому что над всем, что живет, они увидят занесенную руку неумолимого рока, движущего всё, без исключения всё, к пропасти небытия».

К обычному восприятию мира, дающему читателю книги «Душа хранит» «жить спокойно, даже радоваться и веселиться», можно отнести такие стихотворения, как «Пальмы юга» (о «прекрасной стране, там чудно все»); «Доволен я буквально всем» (герой которого обретает душевное спокойствие в осеннем лесу, лежа на животе и жуя спелую бруснику), а также написанные в юношеском возрасте, в 1953 и 1955 годах, стихотворения «Деревенские ночи» (о «радости свидания с девушкой простой») и «Первый снег».

Однако безжалостная по отношению к Н.Рубцову действительность уничтожала иллюзию. «Смутные за Колю тревоги и переживания делались уже постоянными, может, еще и оттого, что выглядел он часто усталым безмерно, будто очень пожилой и очень большой человек... – вспоминала М.Корякина. – А в стихотворении «Я буду скакать по холмам...» строка «Все понимая, без грусти пойду до могилы...» уже звучит как пророчество». Не стала палочкой-выручалочкой и однокомнатная квартира, которую Н.Рубцов наконец-то получил на улице Яшина в Вологде. Посетивший поэта С.Чухин обратил внимание на ле-

жавшие на столе возле дивана разнокалиберные таблетки и услышал объяснение: «Знаешь, сердце прихватывает». Чувство слабости и усталости Н.Рубцов пытался устранить порцией алкоголя, но и это уже не помогало, а лишь приводило к такому состоянию, когда после очередного скандала он вынужден был каяться, что в нём «заговорило вновь его абсолютное безумие». На своё несчастье, он возобновил знакомство с поэтессой Людмилой Д., которая сыграла роковую роль в судьбе поэта. Переехавший в Вологду в 1969 году Виктор Астафьев с писательской наблюдательностью отмечал, что в последние два года жизни Н.Рубцова над его головой «вертелись какие-то злые ветры, недоразумения, грехи вольные и невольные преследовали её».

Всё это усугубляло свойственное Н.Рубцову «ощущение времени как чего-то такого, что уносит безжалостно и бесповоротно каждый настоящий миг в прошлое». Такое положение дел В.Ф.Эрн называл «субъективно-невыносимым», поскольку человек не может смириться с тем, что всё, что он делает, будет со временем сметено и уничтожено. Для Н.Рубцова мысли о смерти усугублялись мистикой переживаний в моменты творческого экстаза. Лирический герой стихотворения «Ночное ощущение» задает себе вопросы о цели и смысле жизни, на которые нет ответа: «И горная передо мной / вдруг возникает цепь, / как сумрачная цепь / загадок и вопросов». В стихотворении «Наступление ночи» с последними лучами закатившегося вдали солнца и наступлением «омутной ночи» поэта охватывает ужасное ощущение ничтожности и тленности всех вещей в мире. Ему кажется, что вместе с ушедшим солнцем происходит поглощение бытия небытием: «И так тревожно / в час перед набегом / кромешной тьмы / без жизни и следа, / как будто солнце / красное над снегом / огромное / погасло навсегда». Стихотворение «Прощальное» начинается с описания «печальной Вологды», что «дремлет на темной печальной земле», и завершается мистическим пророчеством: «Родная заря / уж завтра меня не разбудит, / играя в окне и горя».

Н.Рубцов не мог смириться с тем, что всё, что он написал, будет временем сметено и уничтожено. Он верил, что его душа хранит и передает людям через стихи любовь к жизни. Ведь «истинная жизнь, открывающаяся в вечности, – над временем возвышается, – писал В.Ф.Эрн, – и, таким образом, положительное восприятие вечности сквозь время говорит о том, что время есть нечто такое, что должно быть поглощено Вечностью». В

завершающем книгу «Душа хранит» стихотворении «До конца» он просил об одном:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста.*

Творческая активность поэта оставалась высокой. Уже спустя три месяца после подписания к печати архангельского сборника «Душа хранит» в московском издательстве «Советский писатель» 25 февраля 1970 года сдается в набор, а 4 апреля подписывается к печати новая книга стихов «Сосен шум». Из шести десятков включенных в неё стихотворений половина была известна читателю по прежним изданиям. Что же касается остальных, то в них поэт предстает не только как человек с любящим сердцем и отзывчивой душой, но и как исстрадавшийся и измученный многолетним напряжением всех своих духовных сил в борьбе с лицемерием и ханжеством цензоров, редакторов, издателей, рецензентов, советовавших поэту быть «поближе к современности, к злобе дня». Осенью 1965 года он признавался в письме А.А.Романову: «Вся эта мелкая возня вокруг какого-нибудь одного стишка надоела и не нужна. Всегда столько разговоров, работы на машинке, всякого беспокойства, усилий, и ради чего? Ради того, чтобы увидеть, что вот все-таки напечатали? ... Были бы у меня средства, я никогда не напечатал бы стихи, не стремился бы к этому, так как, насколько я убедился, стихи, вернее хорошие стихи (не говорю о себе), печати не нужны». Мало что изменилось и в последующие пять лет. «Встречая его, я всякий раз отмечал, что он побаивается, чисто нравственно, благополучных – особенно на казенном коште – людей и до себя их не допускает, не делая исключения и для старых знакомых», – вспоминал мурманский поэт и прозаик Борис Романов.

Как свидетельствует стихотворение «Бессонница», даже ночью, когда «есть возможность отдохнуть», поэт остро чувствовал своё одиночество и представлял себя «как бы в каюте корабля, / бог весть когда и затонувшего». В преддверии видения «отжившего, минувшего», «за тенью тень – воспоминания»:

*И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости – испуг
И вместо отдыха – мучение.*

Словно прощающийся с жизнью человек, Н.Рубцов вспоминал «тот город зеленый и тихий», где «пел, как в деревне, петух», где радовали взор «земные друг другу поклоны / людей, выходящих во двор», где на свидании он целовал «полные слез / глаза моей девочки нежной». Поэт мечтал, чтобы этот образ «прекрасного мира», запечатленный в его поэзии, остался навек в памяти людей:

*Но вечно пусть будет всё это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил.*

Памяти А.Яшина, олицетворявшего для Н.Рубцова ушедший в небытие «прекрасный мир», посвящено стихотворение «Последний пароход». Воспоминания Н.Рубцова о совместной с А.Яшиным поездке на теплоходе в составе группы вологодских и московских писателей по Волго-Балту в августе 1967 года исполнены в духе народных плачей с включением в действие словно поющих «суровым хором» темного леса и стай журавлей «над беспробудно дремлющим угором».

Перед взором поэта как живые встают в стихотворении «Далёкое» «стрелой пролетевшие мимо / картины отроческих дней». В «Повести о первой любви» он вспоминает девушку, с которой переписывался три года во время службы на Северном флоте. Но если в юношеских стихах он с возмущением писал о её измене, то спустя годы пережитое им высокое чувство любви рождает в душе умудренного жизнью поэта желание понять и простить всех близких ему людей, в том числе и ту, чьи «глаза, близкие очень», всплывают в его памяти в ночной темноте. Реквиемом по брату, который неожиданно для близких ушел из городской квартиры и затерялся на сибирских просторах, звучит стихотворение «Воспоминание». В таких путешествиях в прошлое «мысль, летая, / кого-то ищет / по белу свету...» в поисках опоры человеку, который ощутил себя на грани жизни и смерти. Но и это уже не спасает от печали о безвозвратно потерянной молодости. Как писал Н.Рубцов в стихотворении «По мокрым скверам...»,

*Куда от бури,
от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу.*

Н.Рубцов очень хотел, чтобы «сердце проще вдруг забилось, / словно выпил я вина», чтобы печальные думы и трагические видения, которыми «душа была полна», перестали терзать его воображение, чтобы душа успокоилась от самых обычных вещей: древнерусской красоты вологодского храма Софии, живописной картины выпавшего снега – в стихотворении «Выпал снег...». Таким умением жить «проще» обладает герой его стихотворения «Старик», который, как материальный король Лир, освободил себя от материальных забот и «в простой одежке» отправился странствовать по Руси. Он глядит «ласково и долго / на всех, кто встретится ему», и в ответ получает у приютивших его деревенских жителей скромную пищу и ночлег.

*Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.
Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде,
С душою светлою, как луч!*

Н.Рубцов и сам мечтал быть странником, чтобы освободиться от мирских забот. Он готов был ходить с котомкой от деревни к деревне, слушать «простые предания» (стихотворение «Гуляевская горка»), тихо радоваться встречам с такими, как немногословный старик из стихотворения «На ночлеге», коротающий век в одиночестве «в избе укромной». Но жизнь в мире цивилизации не оставляла никаких надежд на такое перевоплощение. В стихотворении «Поезд» Н.Рубцов образно сравнивал себя с человеком, которого «на разъезде где-то, у сарая», подхватила и понесла по железной дороге жизни загадочная и непреодолимая сила судьбы:

*Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья.*

Неотвратимость судьбы для Н.Рубцова совмещается с неотвратимостью смерти, о чем он всё сильнее стал задумываться за год до своей гибели. «Я слышу печальные звуки, / которых не слы-

шит никто», – пишет поэт в стихотворении «Прощальное», когда, казалось бы, он уже достиг вершины поэтического Олимпа своей книгой «Звезда полей». В стихотворении «Зимняя ночь» поэт в образной форме передает близость к нему Смерти, – это она «глухо стучится» и «прислально смотрит всю ночь» в его жилище, дожидаясь своего часа:

*И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом, –
Есть какая-то вечная тайна
В этом жалобном плаче ночном.*

Стихотворение «В жарком тумане дня...» напоминает давнюю легенду о волшебной реке, через которую некий лодочник переправляет души умерших людей на другую сторону. Уставший от жизни поэт просит первым принять его на борт, и далее он плывет «мимо могильных плит, / мимо церковных рам, / мимо семейных драм», прощаясь с зовущими его «милыми сиротскими глазами», с жизнью, в которой всё заранее продумано: «Звезды на небе – ночь! / Солнце на небе – день!» И когда он уже приближается к месту назначения, то просит:

*Если умру – по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.
Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест...
Каждому на Руси
Памятник или крест.*

Все эти исполненные трагизма стихи как-то не совмещались в глазах осаждавших его однокомнатную квартиру гостей с представлением о Н.Рубцове как деревенском самородке, услаждающем слух пением своих стихов под гармошку на мелодии, сочиненные им самим. Лишь позднее стали задавать вопросы: «А разве нельзя было постеречь от надвигающейся грозы? Ведь многие чувствовали по запаху её приближение. Одна знакомая прислала поэту новогоднюю открытку с недвусмысленным текстом: «Береги свою голову...» А потом, Рубцову просто-напросто всю жизнь не хватало тепла. Тем более при его скудных харчах. Вот он и ежился в вечном своем демисезонном пальтишке и кутался в неизменный простенький шарф. Но никогда не жаловался, стеснялся признаться в своей необеспеченности и неустроенности»²⁴.

Жена писателя Виктора Астафьева М.Корякина вспоминала, как однажды Н.Рубцов провел в семье Астафьевых (с которыми жил по соседству) три дня. «Зашел, сказал, что плохо что-то себя чувствует, сердце что-то, и голова болит... Мы дали ему лекарство, напоили чаем горячим, устроили на раскладушке. Он попросил выпить, но Виктор Петрович Астафьев пододвинул ему стакан с чаем и сказал раздумчиво, что насчет выпить не выйдет, что весь ведь больной... так и погибнуть недолго... здоровье не богатырское, а ты вон... да еще не ешь ничего.

– Ну и что, и погибну! – с вызовом воскликнул Коля. – И погибну! И умру... И... похоронят меня... – продолжал он.

В этом шедшем из глубины души отчаянном выкрике поэта звучит не зов о помощи (гордость не позволяла Н.Рубцову такого поступка), а основанный на интуиции и размышлениях о «вечном» мистический дар поэта, позволяющий предвидеть будущее.

Адская мука земного бытия для Н.Рубцова, человека замкнутого, сознательно обособлявшего себя от современного ему общества «развитого социализма», постоянно поддерживалась бесконечной и порой безнадежной борьбой за повседневное существование, за право издать цикл стихотворений или книгу и получить достойное вознаграждение. Он уставал от привычной для литературного мира тех лет борьбы всех против всех, когда человек человеку – волк в схватке за место в издательском плане и за кусок от гононарного фонда. Эта борьба была для Н. Рубцова постоянным самоуничтожением. Характерное для русских людей определение зла как «метафизического и физического бедствия» он переносил в стихах на смерть как на «центральное, основное метафизическое зло»²⁵. Судя по его предсмертным стихам, он был одним из тех раздумывающих о жизни и смерти людей, для которых «не существует и не может быть так называемой «естественной» смерти, а всякая смерть есть в конечном счете смерть насильственная – последствие убийства, выражение факта жизни одних существ за счет пожирания и истребления других, – выражение состояния бытия как всеобщей, до последней глубины жизни проникающей гражданской войны между живыми существами. Но этим определены и такие бедствия, как нужда, болезни, страдания и лишения всякого рода».

Но как ни пытался Н.Рубцов «коротать одиночества время» в деревенской избе («Листья осенние»), уноситься воображением «куда-то в

мирозданые» («Ты с кораблем прощались») или «вникнуть в мудрость древних изречений / о сложном смысле жизни на земле», предчувствие скорой и неизбежной смерти не оставляло его. В «Посвящении другу» он писал, что его уже не радует «одинокая странствий звезда»: «Пролетели мои самолёты, просвистели мои поезда». И, возвращаясь к заявленной в стихотворении «Эх, коня да удаль азиата» теме всегда привлекавшей его бунтарской свободы, сожалел о навсегда утраченном:

*Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.*

Ожидая неизбежность того часа, когда «душе моей / сойдет успокоенье / с высоких, после гроз, / немеркнущих небес» (стихотворение «В глуши»), поэт надеялся хотя бы в другом мире найти гармонию бытия, торжество красоты, когда «земная веет святость / и полная река / несёт небесный свет». В стихотворении «Слез не лей» Н.Рубцов просит любимую простить его за излишнюю горячность при жизни: «Вот умру – и стану я холодный, / вот тогда, любимая, поплачь!..»

По воспоминаниям А.А.Романова, «Николай Рубцов держался того мнения, что современность – это вечность. Не только нынешние черты быта и людских отношений, а прежде всего трагизм вообще всей жизни. В прошлом для нас – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление. Вот это и есть предмет поэзии». Отвечая в стихотворении «До конца» многим своим недругам и завистникам, осуждавшим якобы праздное его существование и распространявшим о нем клеветнические слухи, Н.Рубцов «перед этой / желтой, захоластной / стороной березовой / моей» писал:

*Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.*

В стихотворении «Расплата» Н. Рубцов в мистическом видении предсказал свою смерть: «И однажды, прижатый к стене / безобразьем, идущим по следу, / одиноко я вскрикну во сне...» В стихотворении «Идет процессия» предсказано, что похороны пройдут в январе, когда «трещат крещенские морозы».

Так и случилось: Н.Рубцов погиб 19 января

1971 года. По словам В.Коротаева, присутствовавшего на суде над обвиненной в убийстве поэта Людмилой Д., та «уверяла, что не хотела убивать, и всё сваливала на рок, судьбу, какую-то неведомую темную силу». Однако убийство было признано умышленным и виновной в нём было определено восемь лет общего режима.

«Хоронили Рубцова в крещенские морозы из зала Дома художников. И все вспоминали очень часто его вещее предсказание: «Я умру в крещенские морозы, – писал участник похорон Виктор Астафьев. – Свершилась еще одна трагедия в русской литературе, убыла и обеднела жизнь на Руси, умолкнул так и не набравший своей высоты пронзительно русский национальный певец».

Только за пятнадцать лет после смерти Н.Рубцова, по подсчетам В.Оботурова, вышло два десятка его книг общим тиражом, превышающим два миллиона экземпляров. В 1973 году на могиле Н.Рубцова в Вологде установлено надгробие – мраморная плита с барельефом поэта и его завещанием: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» По инициативе Рубцовского центра надгробие увенчано беломраморным крестом. В конце сентября у памятника Н.Рубцову устраиваются праздники поэзии и музыки «Рубцовская осень». Именем поэта названы сквер и улица в Вологде. На средства Вологодского областного бюджета издан «Словарь художественного языка Рубцова», подготовленный М.И.Сидоренко. Учреждена Всероссийская литературная премия «Звезда полей».

В Тотьме в 1985 году на берегу реки Сухона установлена посвященная поэту скульптурная композиция работы В.М.Клыкова. В селе Никольском открыта мемориальная доска на Доме-музее Н.Рубцова, проводятся Рубцовские чтения «Россия, Русь, храни себя, храни!». Бюст поэта открыт в Череповце. Памятник и мемориальная доска есть в Мурманске, где проводятся Рубцовские чтения. В архангельском Емецке установлен памятник поэту, создан музей, стал регулярным литературно-музыкальный фестиваль «Под Рубцовской звездой». В Москве, Санкт-Петербурге, Дзержинске и других городах открыты музеи Н.Рубцова, библиотеки его имени, Рубцовские центры.

В 2016 году Николаю Рубцову исполнилось бы 80 лет. Станислав Куняев писал в стихотворении «Памяти поэта» (1971):

*А мы живем,
и каждого из нас
терзает все,
что и его терзало,
и потому,
пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай пойдем,
что наша жизнь – завет,
что только смерть развяжет эти узы –
ну, словом, всё,
что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музы.*

Примечание

¹⁴ Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси». Из воспоминаний о Николае Рубцове // Наш современник. 1996. №1. С.218.

¹⁵ Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси» // Наш современник. 1996. №1. С.214.

¹⁶ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1. С. 120.

¹⁷ Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси». Из воспоминаний о Николае Рубцове // Наш современник. 1996. № 1. С. 214.

¹⁸ По утверждению автора книги «Лирика Николая

Рубцова» (1993) В.Баракова, это стихотворение под названием «Воспоминание» впервые появилось в газете «Трудовая слава» г. Всеволожска Ленинградской области 17 января 1960 года.

¹⁹ Лихачев Д.С.О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. №4. С.6.

²⁰ Оботуров В. Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова. М., 1987. С.250.

²¹ Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С.195.

²² Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С.208.

²³ Бердяев Н.А. Философия свободы... С.217-218.

²⁴ Коротаяев В. «Гиря дошла до полу...» // Тихая моя родина. Воспоминания о Николае Рубцове. М., 2001. С.70.

²⁵ Франк С. Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С.537.

Юрий Иванович ДЮЖНЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжневым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

